

БИБЛИОТЕКА ДАНИЭЛЯ АМАРИЛИСА

18

Г. ГРИН

Путе- шествие с моей тетей

Г. Грин

Путешествие с моей тетей

Отпечатано в типографии «ОР-ПРЕСС»-ЛТД

ул. Гиват-Герцль 113, Тель-Авив.

ПЕРЕВОД РИТЫ ВАЙСМАН

**Редактор
Елена Клапоух**

**Корректор
Раиса Волицкая**

Обложка Н. Ларская

БИБЛИОТЕКА ДАНИЭЛЯ АМАРИЛИСА

**ВСЕ ПРАВА ИЗДАНИЯ СОХРАНЕНЫ ЗА
БИБЛИОТЕКОЙ ДАНИЭЛЯ АМАРИЛИСА**

ВЫПУСК

18

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Впервые я познакомился с тетей Августой на похоронах моей матери. Мне тогда уже перевалило за пятьдесят. Моей матери, когда она умерла, было почти восемьдесят шесть, а тетя была одиннадцатью или двенадцатью годами младше ее. За два года до этого я, обменявшись самыми сердечными рукопожатиями со сослуживцами, завершил службу в банке и стал получать приличную пенсию. Все полагали, что я счастлив, а я на самом деле не знал, куда девать свободное время. Я не был женат, жил тихо и спокойно и, если не считать увлечения георгинами, никакого хобби не имел. И поэтому похороны матери превратились для меня в волнующее событие.

Отец мой умер более сорока лет назад. Он работал подрядчиком, обладал вялым, флегматичным характером и имел обыкновение для послеобеденного сна устраиваться в самых неожиданных местах. Это раздражало мать, энергичную женщину, и она все время разыскивала его, чтобы разбудить. Помню ребенком, я заглянул в ванную — мы жили тогда в Хайгейте — и обнаружил там спящего отца. Я довольно близорук и подумал, что это мать, должно быть, чистила пальто, но вдруг услышал шепот: "Закрой дверь изнутри, когда будешь выходить". Ему было лень подняться, и он, я думаю, был настолько сонным, что не соображал, насколько его просьба глупа. А когда он как-то был ответственным за постройку нового жилого дома в Левисхэме, он часто дремал в кабине подъемного крана, и стройка замирала, пока он не просыпался. Моя мать, которая не боялась высоты, карабкалась на самые высокие леса в надежде найти отца, и добивалась успеха, если тот не находил себе прибежище в подземном гараже.

Я всегда считал, что они весьма счастливы вместе: их роли охотника и дичи, возможно, подходили к ним; у матери, помнится, с годами выработалась привычка как-то по особенному наклонять голову и быстрая походка, напоминавшая походку борзой. Да простят меня за эти воспоминания: непрошенные, они сами всплыли в моей памяти

на похоронах, во время долгого ожидания.

На церемонии в крематории ощущалось легкое возбуждение, которое никогда не чувствуется при обычном погребении. Откроются ли двери печи? Застрянет ли гроб по пути к огню? Я услышал позади себя голос, произнесший со старческой отчетливостью: "Как-то мне довелось присутствовать на преждевременной кремации".

Это была, как мне с некоторым трудом удалось вспомнить по фотографии из семейного альбома, тетка Августа, одетая примерно так, как оделась бы королева Мария, если бы жила в наше время и решилась на небольшой шаг навстречу современной моде. Я был удивлен ее блестящими рыжими волосами, уложенными в монументальное сооружение, и двумя большими передними зубами, придававшими ей легкое сходство с неандертальцем. Кто-то попросил тишины, и священник начал молитву, которую, мне кажется, придумал сам. Я никогда не слышал такой молитвы на похоронах, на которых немало перебивал за свой век. От банковского служащего всегда ждут, что он отдаст последнюю честь каждому старому клиенту, не оставшемуся в должниках, да и помимо этого, я испытываю слабость к похоронам. Люди в подобные моменты, обычно, проявляют себя с самой лучшей стороны. Они серьезны, рассудительны и оптимистичны в отношении своего собственного бессмертия.

Похороны матери продвигались без помех. С гроба, который после нажатия на кнопку исчез, были предусмотрено сняты цветы, я пожимал руки племянникам, племянницам и кузинам, которых годами не видел и которых, естественно, не мог узнать. Мне полагалось дожидаться урны с прахом, и я действительно ждал, пока задымятся трубы крематория.

— Ты, должно быть, Генри,— сказала тетя Августа, задумчиво поглядывая на меня своими бездонными глазами.

— Да,— ответил я,— а вы, должно быть, тетя Августа.

— Очень долгое время я не видела никого из родни твоей матери,— продолжала тетя.— Надеюсь, она не мучалась.

— О да, знаете, в ее возрасте...— сердце просто остановилось. Она умерла от старости.

— От старости? Она была лишь на двенадцать лет старше меня,— произнесла тетя Августа укоризненным голосом.

Мы немного прошлись по саду возле крематория. Он так же мало напоминал настоящий сад, как площадка для гольфа — дикое поле.

— Скажи мне,— спросила тетя Августа,— ты все еще работаешь в банке?

— Нет. Я вышел на пенсию два года назад.

— На пенсию? Такой молодой человек! Ради всего святого, что же ты делаешь со своим временем?

— Я выращиваю георгины, тетя Августа.

После этих слов тетя несколько оживилась.

— Георгины! Что сказал бы твой отец!

— Цветы его мало интересовали, это уж точно. На сад он всегда смотрел только как на подходящую строительную площадку. Особенно его интересовало строительство спален. Он очень любил поспать.

— Спальни нужны были ему для чего-то большего, чем сон,— произнесла тетя с грубоватостью, удивившей меня.

— Он спал в самых странных местах. Однажды в ванной...

— В спальне он занимался другими вещами,— перебила она,— и ты тому доказательство.

Я начал понимать, почему родители столь редко встречались с тетей Августой. Ее темперамент вряд ли нравился матери. Мать была далеко не пуританкой, но любила, чтобы все говорилось вовремя и к месту. За обедом она говорила о еде. Может быть, о ценах на продукты. В театре, во время антракта, мы говорили о пьесах. За завтраком обсуждали новости. Мать ловко умела вернуть беседу в прежнее русло, если кто-то уклонялся от темы. Была у нее фраза: "Дорогой, сейчас не время"... Возможно, в спальне она говорила о любви и поэтому не терпела, когда отец спал в неподходящих местах. Когда у меня появился интерес к георгинам, она часто просила меня забыть о них

в часы службы.

Наконец, прах был готов. Мне вручили аккуратно завернутый пакет с красными печатями, напоминавший рожденственский подарок.

— Что ты собираешься делать с этим? — спросила тетя Августа.

— Думаю соорудить небольшой постамент среди георгин.

— Зимой это будет выглядеть несколько уныло.

— Этого я не учел. Но в это время я всегда смогу перенести ее в дом.

— Туда и обратно. Вряд ли моя сестра будет покоиться с миром.

— Я подумаю над этим.

— Ты не женат, не так ли?

— Нет.

— Дети?

— Нет, конечно.

— Для тебя всегда будет стоять вопрос, кому завещать мою сестру. Предпочитаю умереть раньше тебя.

— Невозможно сразу все обдумать.

— Ты мог бы оставить ее здесь, — сказала тетя Августа.

— Я думал, что это будет неплохо смотреться среди георгин, — упрямылся я, поскольку весь вечер перед похоронами посвятил конструированию подходящего уголка в хорошем вкусе.

”У каждого свой вкус”, — промолвила тетка с поразительно правильным французским произношением.

— Ну, тетя Августа, — сказал я у ворот крематория (меня звали мои цветы), — прошло так много лет, пока мы увиделись друг с другом... надеюсь..., — (я оставил газокосилку на улице, а быстро приближающиеся серые тучи обещали дождь), — мне бы очень хотелось встретиться с вами однажды за чашкой чая в Саусвуде.

— Сейчас я бы предпочла чего-то более крепкого. Не каждый день видишь собственную сестру в крематории. Как Пуселла.

— Я не совсем... Жанна Д'Арк...

— Дома у меня найдется немного шерри, но это довольно далеко и наверное...

— Я живу недалеко, — твердо проговорила тетя Августа, — и у меня есть все, что нам необходимо.

Не спрашивая моего согласия, она подождала такси. Это было первое, думаю я теперь, оглядываясь назад, и наиболее запомнившееся путешествие, которое мы совершили вместе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я оказался прав. Начался дождь. На блестящих от воды улицах люди складывали зонтики и искали убежища в подъездах Бартона, Юнайтед Дэрис, Мак Фишера или Эй Би Си. По некоторым причинам дождь в предместьях напоминает мне воскресенье.

— О чем ты думаешь? — поинтересовалась тетя.

— Непростительная глупость. Я оставил газонокосилку на улице.

— Забудь о косилке. — (Тетя сразу показалась мне не симпатичной). — Странно, что мы встречались только на религиозных церемониях. В последний раз я была на твоём крещении. Меня не пригласили, но я пришла. — Она издала короткий смешок. — Как злой дух.

— Почему они не пригласили вас?

— Я слишком много знала. О каждом из них. Помню, вы были далеко не спокойны. Вы не прогнали духа. Не удивлюсь, если он все еще там.

Она обратилась к шоферу.

— Не спутайте Плэйс со Сквэр, Крисцент или Тарденс. Мне нужен Плэйс.

— Я никогда не слышал ни о каком разрыве в ваших отношениях. Ваша фотография всегда была в семейном альбоме.

— Только для приличия. — Она вздохнула, и от нее пахло пудрой.

— Твоя мать была святой. Она заслужила кремацию. Пуселла, — снова добавила она.

— Не совсем понимаю... Пуселла означает... — оставим это, я ведь здесь, тетя Августа.

— Да, но ты был сыном отца. А не матери.

В это утро я был взволнован мыслями о похоронах. Конечно, если бы это не была моя мать, я счел бы их вполне приятным перерывом в рутинной жизни пенсионера. Я с удовольствием вспоминал о старых временах, когда работал в банке и отдавал последнюю дань столь многим клиентам. Но я никогда не предполагал, что этот перерыв

станет настолько интересным. Шок, говорят, лечит икоту в такой же мере, как и вызывает ее. Я проикал несвязный вопрос.

— Я уже сказала, что твоя мать была святой. Девочка, видишь ли, отказывалась выйти замуж за твоего отца, который был помешан — если можно употребить крепкое слово в данном случае — на том, чтобы делать определенные вещи. Впоследствии, она месяц за месяцем подкладывала подушки. Никто и не подозревал. Она даже ложилась с ними в постель и была так глубоко шокирована, когда он пытался заняться с ней любовью — после свадьбы, но до твоего рождения — что даже когда ты благополучно появился на свет, отказывала ему в том, что церковь назвала супружескими правами. Он же никогда в достаточной мере не был мужчиной, чтобы настаивать.

Я, икая, наклонился вперед. Я не был в состоянии разговаривать, если бы и попытался. Мне вспомнились эти преследования по строгим лесам. Были ли они вызваны ревностью матери или предчувствием того, что ей снова придется проходить многие месяцы, подкладывая подушки разных размеров?

— Нет,— сказала тетя таксисту,— это Гарден. А мне нужен Плэйс.

— Тогда я поверну налево.

— Нет, направо. Слева Крисцент.

— Это не должно быть для тебя такой неожиданностью, Генри,— сказала тетя Августа,— моя сестра, а твоя мачеха,— думаю, нам лучше именно так ее и называть,— была чрезвычайно благородной особой.

— А мой, (ик!) — отец?

— Изрядный негодай, но таковы в большинстве своем мужчины. Может быть, это даже их лучшее свойство. Надеюсь, ты тоже немного негодай, Генри.

— Вряд ли...— снова икнул я.

— Может, со временем ты это обнаружишь. Ты ведь все же сын своего отца. Лучшее средство от икоты — это выпить из воображаемого стакана. Жидкость не входит в обязательную часть процедуры.

Сделав глубокий вздох, я спросил:

— Кто была моя мать, тетя Августа?

Но она уже отвлеклась от нашей темы и обратилась к шоферу:

— Нет, нет, уважаемый, здесь Крисцент.

— Вы сказали свернуть направо, леди.

— Тогда прошу прощения. Это ошибка. Я всегда слегка путаю правую сторону с левой. Вам надо повернуть к порту, а не направо.— Сделайте только круг и начните сначала. Принимаю всю вину на себя.

Мы остановились у паба.

— Мэм, если бы вы мне сразу назвали "Корону и якорь"...— пробормотал таксист.

— Генри,— произнесла тетя,— если можешь, перестань на минуту искать.

— Ик? — спросил я.

— На счетчике шесть шиллингов и шесть пенсов,— сказал водитель.

— Дадим ему наездить до семи шиллингов,— остроумно заметила тетя Августа.— Генри, хочу предупредить тебя прежде, чем мы зайдем, что по отношению ко мне кремация будет совершенно неуместной.

— Но—вы—никогда—не—были—замужем,— проговорил я быстро, чтобы опередить очередной "ик".

— В течение последних шестидесяти лет у меня почти всегда был друг,— отозвалась тетя и, возможно потому, что я посмотрел на нее недоверчиво, добавила:—Возраст, Генри, лишь слегка изменяет наши чувства, но не разрушает их.

Даже эти слова не подготовили меня в достаточной мере к тому, что я узнал в дальнейшем. Жизнь в банке приучила меня не удивляться даже требованию чрезмерных кредитов, и я всегда придерживался правила никогда не спрашивать и не выслушивать никаких объяснений. Кредит давался или в нем отказывали. И если я кажусь читателю несколько статичным, он должен принять во внимание условия моей длительной карьеры до выхода на пенсию. Действия же тети, как я обнаружил, никогда не

обуславливались никем и ничем, и она не давала себе труда объяснять больше, чем уже сказала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

”Корона и якорь” был настроен в банковском стиле времен короля Георга. Сквозь окна я разглядел мужчин с огромными усами, в твидовых пальто, толпящихся как лошади вокруг девицы в брюках для верховой езды. Они не относились к тому типу людей, которым я дал бы большой кредит, и я сомневался в том, что хоть один из них, кроме девицы, однажды сядет на лошадь. Все они пили пиво, и у меня сложилось впечатление, что деньги их уходили скорее на портных и парикмахеров, чем на верховую езду. Длительный опыт работы с клиентами научил меня предпочитать потрепанного любителя виски хорошо одетому любителю пива.

Мы вошли через боковую дверь. Квартира тети размещалась на втором этаже, а на первом стояла небольшая софа, которая, как я узнал позднее, специально была куплена ею для того, чтобы отдохнуть по пути наверх. Для ее широкой натуры характерно было, что она купила именно софу, которая с трудом помещалась там, а не просто стул.

— Я всегда отдыхаю здесь. Садись и ты, Генри. Ступеньки крутые, хотя, вероятно, в твоем возрасте они не кажутся такими.— Она критически взглянула на меня.— Ты, безусловно, сильно изменился с тех пор, как я видела тебя в последний раз, хотя волос у тебя, в общем-то, не прибавилось.

— Они были, но уже выпали,— объяснил я.

— А я свои сохранила. Я все еще могу сесть на них,— и неожиданно добавила: — Рапунзел, Рапунзел, распусти волосы. Ну не настолько, чтобы я могла как когда-то спустить их со второго этажа.

— Вам не мешает шум из бара?

— О, нет. Этот бар очень удобен, если мне что-то нужно. Достаточно послать Вордсворта вниз.

— Кто это Вордсворт?

— Я называю его Вордсвортом, потому что не могу заставить себя называть его Захарием. Всех старших сыновей в его семье вот уже много поколений зовут Захариями.

— Он ваш слуга?

— Лучше скажем, что он внимателен к моим желаниям. Очень приятный и сильный человек. Но не позволяй ему просить у тебя ККС. Он получает их достаточно от меня.

— Что такое ККС?

— Это то, что в Сьерра Леоне, где он мальчиком жил во время войны, называют чаевыми или подарком, и является инициалами Компании каирских сигарет, которые матросы щедро раздавали.

Объяснения тети были слишком торопливы, и я не успел по-настоящему подготовиться ко встрече с огромным негром средних лет, в полосатом фартуке мясника.

— Ой, Вордсворт,— кокетливо произнесла тетя,— ты завтракал, не дождавшись меня.

Он стоял в дверях, глядя на меня, и я спросил себя, не потребует ли он ККС прежде, чем даст мне пройти.

— Это мой племянник, Вордсворт,— сказала тетя.

— Это правда, женщина?

— Конечно, Вордсворт, Вордсворт! — добавила она с нежной иронией.

Он пропустил нас. В гостиной горели огни, и теперь, когда стемнело, я был ослеплен потоками света, которые отражались от украшений из стекла, расположенных на каждом кусочке свободного пространства. На буфете стояли ангелочки, одетые в полосатые юбочки, а в алькове висела мадонна в голубой мантии, с золотым лицом и золотым нимбом. На золотой подставке возвышался кубок цвета морской волны, настолько большой, что в нем легко поместилось бы содержимое четырех бутылок вина. Лиловые журавли, красные лебеди и синие рыбы теснились на книжных полках. Черные девушки в алых платьях поддерживали зеленые подсвечники, а над всем этим сиял канделябр, расписанный бледно-голубыми, розовыми и желтыми цветами.

— Венеция когда-то много значила для меня,— проговорила тетя явно некстати.

Я не претендую на то, чтобы казаться знатоком в та-

ких вещах, но подумал об отнюдь не тонком вкусе тети.

— Какая замечательная работа,— промолвила тетя.— Вордсворт, будь милочкой и приготовь нам два виски. Августа чувствует себя немножечко печальной после этой грустной, грустной церемонии.

Она говорила с ним как с ребенком или любовником, но последнее я допускал с неохотой.

— Все прошло о'кей,— спросил Вордсворт,— без противных лекарств?

— Никаких непредвиденных осложнений. О, боже, Генри, ты не забыл свой пакет?

— Нет, нет, он здесь.

— Думаю, что Вордсворту лучше положить его в холодильник.

— Нет никакой надобности, тетя Августа. Прах ведь не разлагается.

— Разумеется, нет. Как это глупо с моей стороны. Но позволь Вордсворту отнести его на кухню, на всякий случай. Нам же ни к чему постоянное напоминание о моей бедной сестре. Теперь я покажу тебе свою комнату. Там у меня еще немало венецианских сокровищ.

Тетя была права. Ее стол так и сверкал ими: зеркала, пудреницы, пепельницы, коробочки для булавок.

— Они сияют даже в самый пасмурный день,— сказала она.

В комнате находилась огромная двуспальная кровать, поблескивающая как стекло.

— Я очень привязана к Венеции,— объяснила тетя,— потому что моя настоящая карьера началась там, также, как и путешествия. Я всегда очень любила путешествия.

Меня очень огорчает, что мои поездки сейчас стали реже.

— Возраст приходит, не спрашивая нас,— заметил я.

— Возраст? Это не имеет никакого отношения к возрасту. Надеюсь, я не выгляжу дряхлой развалиной, Генри. Мне нравятся компаньоны, вроде Вордсворта, но он очень занят, так как собирается поступить в лондонскую школу экономики. А это комната Вордсворта,— открыла она соседнюю дверь.